

К. П. Богаевская

Из забытых книг

1. БУЛГАРИН О ПУШКИНЕ

Фаддей Булгарин — продажный журналист, популярный в свое время автор, впоследствии сотрудник III отделения. Все отвратительно в нем и вызывает чувство брезгливости — его биография, его натура, его внешность.

Но странная вещь — он был другом таких чистых людей, как Грибоедов и декабристы Рылеев и Александр Бестужев. Чем объяснить это? Очевидно, не существует ни одной «навозной кучи» без своего «жемчужного зерна». «Жемчужное зерно» Булгарина сыграло немалую роль в истории нашей литературы. Двадцать три письма Грибоедова адресовано Булгарину. «Любезный друг», «брат», обращается к Фаддею поэт и подписывается: «Верный твой друг», «Верный твой Грибоедов».

Находясь под арестом по делу 14 декабря, Грибоедов засыпает Булгарина записками с просьбами прислать книги и даже деньги, и его просьбы тотчас же исполняются. Уезжая на Восток в июне 1828 года, Грибоедов поручает Булгарину издание «Горя от ума», оставляет ему рукопись с дружеской надписью.

После разгрома восстания на Сенатской площади вождем Северного общества Ры-

леев за несколько часов до ареста успел передать прибежавшему к нему на квартиру Булгарину свои революционные стихотворения. Булгарин сохранил бумаги казенного декабриста. Спустя много лет (в 1870 году) его наследники передали в редакцию журнала «Русская старина» несколько десятков автографов Рылеева.

Взаимоотношения Пушкина с Булгариным были гораздо сложнее. Пушкин никогда не дружил с «Видоком Фиглярным»; в 1830-х годах они стали врагами. Но по возвращении из ссылки поэт еще спокойно встречался с издателем «Северной пчелы» и даже, как известно, был с Дельвигом у него на обеде.

Перелистывая комплект газеты «Северная пчела» за 1840-е годы, я обратила внимание на имя Пушкина. Вот что вспоминает Булгарин в одном из своих фельетонов, «Журнальная всякая всячина» (за подписью: Ф Б.):

«Ничего нет несноснее, смешнее и притом ничего нет вреднее, как samaradegie, т. е. кампания взаимного восхваления в литературе и pérotisme, т. е. племянничество в общественной жизни! При этих очагах греется и питается всевозможная бездарность, лень и чванство. Журналы в литературе то же, что дядюшки и тетушки в свете. У некоторых журналов все сотрудники его, все приятели, даже все знакомые, люди с необыкновенными талантами, а у некоторых одарены удивительными способностями к занятию видных мест, и стоят всех наград! За то и артисты, и литераторы, и издатели книг, и племянники выжимают лимон порядком!

Покойный А. С. Пушкин (знаменитый поэт), негодую на то, что мы не хотели признавать поэтом одного из его приятелей, рифмоплетов, писал к нам:

«Публика не стоит того, чтоб для нее ссориться с приятелями». Мы отвечали: «Приятель, требующий несправедливости, не стоит того, чтоб для него лгать перед публикой». При этом правиле мы остались, останемся и навсегда!»

(1845, № 43, 22 февраля)

Ни подобное письмо Пушкина, ни ответ Булгарина не сохранились. Возможно, что они были связаны с письмом Булгарина к поэту из Петербурга в Михайловское от 25 апреля 1825 года. Булгарин писал «На нас ополчились в Москве, что мы ничего не сказали об Онегине. Бог видит душу мою, знает, как я ценю ваш талант <...> Не верьте, что вам будут писать вра-

ги мои <...> верьте образцам чести — Вестужеву и Рылееву — они знают, как я вас ценю, а Жуковского всегда буду почитать как человека, а поэтом плохим — подражателем Сутея¹. Вяземского добрым, умным, благородным — не поэтом. — А вас — **Поэтом**» (XIII, 168).

Вероятно, в фельетоне Булгарина под «приятелем-рифмоплетом» и имеется в виду поэт Вяземский.

2. ПУШКИН И ПОЭТ Е. Ф. РОЗЕН

Имя барона Егора Федоровича Розена, поэта и драматурга первой половины XIX века, ничего не говорит современному читателю. Немногие, вероятно, обращали внимание на то, что ему принадлежит текст либретто знаменитой оперы Глинки «Иван Сусанин».

Розен познакомился с Пушкиным в середине февраля 1829 года. Его привел в «трактир» (гостиницу) Демута, где Пушкин останавливался в Петербурге, С. П. Шевырев. С тех пор Розен, страстный поклонник Пушкина, вошел в окружение поэта. Он оставил небольшие воспоминания о Пушкине в статье «Ссылка на мертвых»².

Розен перевел на немецкий язык «Бориса Годунова» с рукописи автора. Перевод этот, по словам Розена, заслужил «восторженную благодарность» Пушкина и «хвалу Жуковского». Опубликован перевод почему-то не был.

Розен писал Шевыреву: «Вышел «Борис Годунов» Пушкина, и никто из критиков-самозванцев не умел оценить этого прекрасного творения! Кривые толки, косые взгляды, шиканье, дурацкий смех — вот чем приветствовали «Годунова», творец коего, во времена Петрарки и Тасса, был бы удостоен торжественного в Капитолии коронования».

И далее: «Мы с ним довольно сблизились. Его лестные обо мне отзывы сторицею воздают мне за несправедливость некоторых критиков...»³

Известно великодушное отношение великого поэта к своим младшим собратьям по перу. Ему от души хотелось видеть в каж-

дом большое дарование. Розен вспоминает, что Пушкин ценил его лирический талант и «неоднократно вызывался метать свои меткие стрелы в тех, кто не признавал литературного достоинства» произведений Розена⁴.

Впечатлениями от разговоров с Пушкиным Розен делился со своим постоянным корреспондентом Шевыревым: «Пушкину в особенности нравится моя пьеса: «Зеркало старушки». Он меня встретил восторженным восклицанием: «Ваша Серафима — прелесть!» Но я с ним ссорился за «Князей Горбатов-Шуйских»: он отдаст преимущество пред ними моим «Трем символам», говоря, что я живо напоминаю Шиллера, не будучи подражателем, и что сия пьеса есть венец в этом роде»⁵.

«Пушкин ко мне слишком благосклонен»⁶, — замечает Розен в следующем письме.

Искренность этих отзывов Пушкина о творчестве Розена не вызывает сомнений; «прелесть» — его любимое словечко. Характерна и запись в его дневнике 2 апреля 1834 года о драматургах Н. В. Кукольнике и А. С. Хомякове: «Ни тот, ни другой не напишут хорошей трагедии. Барон Розен имеет более таланта» (XII, 323).

Товарищеская симпатия не мешала Пушкину добродушно подсмеиваться над манерой Розена читать стихи. А. П. Керн вспоминает, как Пушкин однажды «повторял беспрестанно стих барона Розена:

Неумолимая, ты не хотела жить,

передразнивая его и голос и выговор»⁷.

Летом 1831 года Розен обратился к Пушкину с просьбой украсить своими стихотворениями издаваемый им альманах «Альциона» на 1832 год (XIV, 183). Осенью Пуш-

¹ Роберт Саути (Соути, 1774—1843) — известный английский поэт.

² «Сын отечества», 1847, № 6, отд. III, стр. 10—29.

³ Письмо к С. П. Шевыреву от 19 июля 1831 года. — «Русский архив», 1878, № 5, стр. 47.

⁴ «Сын отечества», 1847, № 6, отд. III, стр. 10, 12.

⁵ Письмо от 7 января 1833 года. — «Русский архив», 1878, № 5, стр. 48.

⁶ Письмо от 17 марта 1833 года. — Там же

⁷ А. П. Керн. Воспоминания. Л. «Academia», 1929, стр. 278

кин послал ему одну из своих «маленьких трагедий» — «Пир во время чумы» (XIV, 240). Кроме того, он дал еще Розену двести стихов на перевод «Илиады» Гнедича: «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...»

Об этом эпизоде вспоминает Розен в одной из своих рецензий в 1848 году⁸. Эти строки остались за пределами литературы о Пушкине, никто из исследователей и библиографов их не заметил. Вот они:

«Нам всегда казалось одним из горьких знамений несовершенства человеческого, что гениальный писатель не может быть справедливым судьей собственных детищ своих, лучшему часто предпочитает слабейшее, одним словом: иногда не видит того, что тотчас заметит первый взгляд **просто** постороннего ума. <...> пример авторского ослепления находим мы у нашего гениального Пушкина: в одной из лучших песен своих он не исключил слабого, ничтожного конца ее — в песни Мери, в «Пиру во время чумы»:

Было время, процветала
В мире наша сторона:
В воскресенье бывала
Церковь божия полна, и проч.

В продолжение трех осмысленных куплетов, песня эта дивным образом возвышается; третий куплет кончается тем, что во время чумы:

Поминутно мертвых носят
И стенания живых
Боязливо бога просят
Упокоить души их.
Поминутно места надо,
И могилы меж собой,
Как испуганное стадо,
Жмутся тесной чередой.

И после этого дивного уподобления следуют еще два слабейшие куплета, уничтожающие все очарование поэтического. Пишущий эти строки, которому Пушкин дал в альманахах этот «Пир во время чумы», осмелился, по отпечатании альманаха, спросить самого Пушкина: ужели не видит он, что два последние куплета отнюдь не достойны первых трех? И получил от него чистосердечный ответ: «Зачем же вы не исключили этих куплетов?» Не для себя, а для **Пушкина** приводим эти слова, если они дойдут до сведения будущего биографа его».

Приводим «слабейшие», по определению Розена, куплеты:
Если ранняя могила
Суждена моей весне —
Ты, кого я так любила,
Чья любовь отрада мне, —
Я моллю: не приближайся
К телу Дженни ты своей;
Уст умерших не касайся,
Следуй издали за ней.

И потом оставь селенье.
Уходи куда-нибудь,
Где б ты мог души мученье
Усладить и отдохнуть.
И когда зараза минет,
Посети мой бедный прах;
А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах!

Прав ли Розен в своей оценке? Конечно, эти два куплета слабее первых; но, если бы Пушкин их уничтожил, «песня Мери» оказалась бы беднее.

3. ВОСПОМИНАНИЯ В. С. МЕЖЕВИЧА

Маленькая книжечка в 16-ю долю листа. Всего 54 страницы. На обложке напечатано: «Колосья. В. М. Сноп первый. С. Петербург. 1842 (сентябрь)». На титульном листе несколько претенциозное предисловие: «Анекдоты — остроты — мысли — изречения — выдержки — заметки — воспоминания — впечатления — наблюдения — опыты — прежнее — современное».

Знали ли современники автора, кто скрывается под инициалами В. М., — сказать трудно. Но впоследствии это стало известно — Василий Степанович Межевич (1814—1849), писатель и журналист, сотрудник «Отечественных записок» до эпохи Белинского.

Межевич не был лично знаком с Пушкиным, в произведениях и письмах поэта имя Межевича не упоминается ни разу.

Но в книжке «Колосья» Пушкину посвящено пять страниц. Первый этюд начинается так: «В одном из неоконченных отрывков своих незабвенный Пушкин изображает характер какого-то стихотворца следующим образом: «Мой приятель был самый простой и обыкновенный человек...» (следует цитата второго абзаца из отрывка

⁸ «Русский песенник... изд. К. Авдеевою. 1848». — «Сын отечества», 1848, № 4, отд. VI, стр. 2—3.

«Несмотря на великие преимущества...»). «Говорят, — заключает не без основания Межевич, — что этот портрет Пушкин списал с самого себя». Образ «приятеля» поэта вдохновил Межевича на сравнение творческой манеры Пушкина с байроновской.

И наконец, он переходит к самому интересному:

«Я имел счастье видеть Пушкина только один раз, но никогда его не забуду. Это было в 1832 году. Один достопочтенный сановник сделал питомцам Московского университета самый приятный сюрприз — привез к ним Пушкина. Во время лекции профессора И. И. Давыдова вдруг в залу аудитории открывается дверь: входит этот сановник и ведет с собою **кого-то**, человека невысокого роста, с арабским профилем, с черными курчавыми волосами.

— Здесь преподается теория искусства (И. И. Давыдов читал в то время лекции о **теории поэзии**), а я привез вам само искусство, — сказал достопочтенный сановник. К этим словам не надо было ничего прибавлять: все поняли, что это — Пушкин.

Восторг студентов был неизобразим: с жадностью все устремили взоры на поэта, так неожиданно явившегося посреди их...

После лекции И. И. Давыдова должен был читать М. Т. Каченовский. Он вошел в аудиторию за несколько минут до окончания лекции И. И. Давыдова. Его познакомили с Пушкиным. В то время «Вестник Европы» уже прекратился, но еще у всех в памяти были, с одной стороны, грозные филиппики «Вестника» против Пушкина, а с другой — злые и бойкие эпиграммы Пушкина... Поэт и его грозный Аристарх, не вспоминая прошедшего, завели между собою, по поводу читанной профессором Давыдовым лекции, разговор о поэзии славянских народов и в особенности о «Песни о полку Игореву». Этот спор, живой и одушевленный с обеих сторон, продолжался около часа... Литературные противники растались с полным друг к другу уважением. И тот и другой теперь уже в могиле. Но думал ли в то время почтенный старец, что он переживет юношу?..»

О посещении Пушкиным в сентябре 1832 года Московского университета с министром народного просвещения С. С. Уваровым существует несколько кратких воспоминаний, в том числе И. А. Гончарова. Но каждое из них, так же как и страницы Межевича, вносит новые штрихи в живой облик поэта.

Сам Пушкин писал жене из Москвы в Петербург (около 30 сентября 1832 года): «На днях был я приглашен Уваровым в университет. Там встретился с Каченовским (с которым, надобно тебе сказать, бранивались мы, как торговки на Вшивом рынке). А тут разговорились <с> ним так дружески, так сладко, что у всех предстоящих потекли слезы умиления» (XV, 33).

«Колосья» Межевича вызвали яростный гнев Булгарина. Вероятно, издателя «Северной пчелы» задел помещенный в книге анекдот, построенный на созвучии слова «булгарин» (то есть болгарин) с его фамилией. Мог он припомнить также заметку Пушкина «Кстати о грамматике», опубликованную в XI томе посмертного издания сочинений поэта, которая заканчивалась утверждением: «**Единственное исключение:** имена собственные. Потомки г-на Булгарина будут гг. Булгарины, а не Булгаре» (XI, 147).

В октябрьском фельетоне «Журнальная всякая всячина» Булгарин набросился на Межевича, грубо обвиняя его в пошлости, лжи и плагиате, и, между прочим, писал:

«Но вот странность: автор рассказывает (стр. 17), как и где увидел он впервые поэта Пушкина, и говорит, что Пушкин имел **черные курчавые** волосы! Откуда это взялось? У Пушкина волосы были **каштанового** цвета, а не **черные**, и кто знал Пушкина, тот вспомнит, что он говаривал иногда в шутку, что намерен выкрасить волосы черною краскою, чтоб быть более похожим на араба!»⁹

⁹ «Северная пчела», 1842, № 221, 3 октября.

